
Арчик
18+
Алекс Родионов

Алекс Родионов
Арчик

https://litres.ru/74982222
SelfPub; 2026

Аннотация

Во дворе, где у каждого свой голос, два года звучал один — захлёбный лай врачихи и её пуми Арчика, злой без причины и без биографии. Утром на пустой дорожке на него посмотрел чужой доберман — не залаял, не рыкнул, не шагнул. Просто посмотрел сверху вниз, как на вещь, которая шумит, — и пошёл дальше. Арчик сел посреди асфальта с разинутой пастью и задохнулся на полувизге. А на следующее утро двор не услышал ничего. Рассказ о том, что сила не в том, чтобы перекричать, а в том, чтобы не понадобиться кричать вовсе, — и о том, что один молчаливый взгляд учит тому, чего годами не объяснишь словами.

Алекс Родионов
Арчик

В каждом дворе есть свой голос, который не спутаешь ни с чьим. У нас это был не скрип качелей и не утренний мусоровоз, а два коротких лая — один человеческий, другой собачий, и по тону они сходились почти до неразличимости. Сначала в подъезд выходила врачиха — в мятой куртке, с лицом, будто ей задолжали все жильцы разом, — а следом выкатывался Арчик, пуми неопределённого серого цвета, с шерстью, похожей на забытую на гребне вату. Порода редкая, венгерская, пастушья. Только Арчик никого не пас. Он стерёг.

Гавкали они одинаково. Не по-собачьи и не по-человечески — а так, как гавкает существо, которое давно решило, что мир устроен неправильно и виноваты в этом все, кроме него. На коляску — гав. На соседа с пятого — гав. На рыжую дворнягу, которая и не думала приближаться, — гав, с захлёбом, с дрожью в горле, будто за каждым «гав» стояла настоящая причина. Причины не было. Была привычка.

Врачиху я понимал. Муж у неё утонул — по пьянке, в речке, в мае, когда вода ещё ледяная, а пьяному море по колено. Она после этого будто переломилась в одну сторону: перестала улыбаться, перестала здороваться, перестала различать людей и собак — для неё все стали теми, кто виноват.

Это бывает. Горе не спрашивает, на кого лечь, ложится на первое, что подвернётся, — а подвернулся весь двор.

А вот Арчик — тот злился без биографии. Накормленный, холёный, с ошейником, на котором звенело два жетона, — корм, прививки, ветеринар по записи. Глазки маленькие, блестящие, и в них то самое выражение, которое у людей бывает у последнего подлеца в очереди: не злость даже, а готовность к злости, заранее заготовленная, как мелочь в кармане. С чего? Никто не отнимал у него миску. Никто не бил. Его просто не любили — а он в ответ не любил весь свет, и это казалось ему достаточным основанием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.